

П. С. ПОТЕМКИН

<Предисловие к «Рассуждению о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо>

К ЧИТАТЕЛЮ

Предприняв намерение выпустить в свет на Российском языке некоторые сочинения славного нынешнего Писателя г. Руссо, почел я за лучшее перевести оные по порядку и для того теперь издаю самое первое.

Весьма странно, что человек такой, будучи одарен великими талантами, имея все способности к высокому изображению мыслей, все преимущества, подлежащие для Писателя, и отменной дар в красоте языка, предлагает толь несовместное мнение¹.

Противоборствуя наукам, простирает он сие столь далеко, что поставляет человека благополучным в одном только совершенном невежестве, как будто добродетель без того никогда просвещаться не может, но какую чудную добродетель приписывает он невежеству, когда неоспоримо всякой признаться долженствует в том, что добро никому не может быть короче известно, как тем, которые знают количество его. При остроте врожденной сведением постигает, в чем состоит общая польза всех и каждого в особливости, и кто может удобнее исполнять сие, как тот, которой примерами многих великих людей научась знать, что есть добродетель; в начале подражает оным, и наконец чрез опыты познавши цену ее, старается неотступно ей последовать.

Человек создан с многими преимуществами пред всеми прочими творениями. Один он имеет подобие своего Творца; разум его имеет вдохновение премудрости всесовершенной. Все стихии мира сотворены для того, что Творец восхотел украсить ими мир. Человек сотворен для того, чтоб чувствовать все сии преимущества, знать совершенство дел его, достойно оным удивляться и прославлять сотворившего вся.

Неведомо, для чего сей славный Писатель в сопротивность сему хочет предписывать человечеству самые тесные пределы разумения, изображает всегда человека обнаженного от всякой премудрости и ограничивает его в самом малом познании, как будто бы Премудрость вышняя одарила его разумом не для того, чтобы оной простирался к постижению как видимых вещей, так и многих сокровенных, но для погружения вечного во тьме и неведении.

Разум человеческий превышает все земное и вещественное. Его надобности отличаются от надобностей тела. Они-то возвышают мысли наши ко всему, что великим почитается; они-то побуждают самого человека к делам, славою и честью венчаемым, и устремляют его к познанию сего, до чего он только может достигнуть; его надобности состоят в том, чтоб упражняться в вещах, достойных его, которые изяществом своим прочим превосходят. Сие превосходство находится вообще в науках, и добродетель там не могла б почитаться добродетелью, где человек зла ближним не делал бы, только от незнания, как зло сделать можно². Но при сведении сих сопротивных свойств исполняющий благое должен быть почитен прямым добродетельным человеком. Такие-то люди приобретают себе бессмертность во всех веках; сим-то родом блага отличаются они от обыкновенных людей.

Когда мы рассуждением обыдем вселенную, тогда ясно себе представить можем, что мир должен быть населен такими созданиями, которые бы премудрость Творца своего постигали, которые бы знали употреблять полезное из дарованных от оною вещей. Науки и искусства одни к тому способны, чтоб польза сия не оставалась в небрежении. Они доказывают нам день ото дня более, сколь совершенство природы почтило человеческий разум, открывая ему каждый почти день скрывающиеся в ней таинства!

Источник наук чист и непорочен; их предмет есть самое совершеннейшее и самое благороднейшее побуждение, достойное навсегда славы и почтения. Что зло превозмогло пользу оных, что сердца в нас повреждены, что сие повреждение нами

иногда повелевает; тому без сомнения есть другой источник, который в недрах наших сердец скрывается и, занимая поврежденную часть оного, склоняет к себе и человеческий ум. Сия часть не иное что есть, как зависть; она-то вливает всякий яд и нечестие в человеческий разум, преклоняет его ко злу. При усилении оной страсти человек бывает обыкновенно вреден; разум его ослабевает, совесть и честность затмевается, а зло уже владевает беспрепятственно.

Но кто может уверить в том, что люди, находясь в первобытном состоянии, не были причастны сей зловерной страсти, ели и жили они так, как скоты совокупно; то не отымали ль один у другого пищи, не отгоняли ли друг друга от мест, которые обоим могли полюбиться, не убивали ли тогда друг друга за соединение, природою устроенное? Я соглашусь, что люди, не зная столько тонкостей, меньше имели причин к оной страсти и злу; но напротив того, кто ими мог тогда управлять, кто мог руководствовать их умом, кто мог, наконец, им представлять, что есть зло или благо?

Из всех времен, которые ставит г. Руссо блаженными, предпочитает он первые веки Рима. Тогда Науки были презренны, но человеческий род терпел, может быть, вдвое против нынешнего. Кровь их проливалась реками со всех сторон. Сие, кажется, не составляет блаженства. Тогда военное искусство предпочиталось всему, ни одно правление и ныне оного не презирает, но тогда оно начальствовало и оставляло в презрении все, от чего следуя одному стремлению, и губили все, вместо что науки, вкоренясь в человеческие умы, показали, что должно спасать род человеческий от напрасной смерти и щадить жизнь оного так, как самый драгоценнейший дар; которое рассуждение может быть тогда совсем не приходило в разум.

Никогда нравоучение не наставляет нас на зло. Предмет его состоит в добродетели и честности; но что забывают некоторые сии священные правила, опровергают должность свою и презирают честность, науки тому несоучастны. Зло, в сердце вкорененное, уже изгнало всякую честность и всякое рассуждение, разум сопротивляется оному сначала, и совесть стремление сие отвергает; но сила его заразительна и действие быстро. Тогда уже не науки руководствуют умом человеческим, но ослепленное самолюбие, связанное со всякою распутностью и нечестием³. От того-то восстает хищность, а добродетель исчезает. Чтоб науки вели нас ко злу, того за истинно признать невозможно; напротив того, они научают нас всякому благу, открывают нам способы к добродетели, каких без нравоуче-

ния, может быть, не было б известно. Когда бы хранили наставления, заключающиеся в нравовении, когда бы им без повреждения совести от другого источника следовали; тогда бы верно добродетель процветала, но человек, влеком будучи распутностью, оные наставления забывает, следует прихотям и попускается во всякое зло*.

Сей вред обладал сердцами еще от начала света, чтоб оного совершенно свободиться; то остается исправить сердца тому только, кто человек сотворил. Законы бдят о сохранении рода человеческого, вообще защищают слабого от насильства; но коварство еще находит себе убежище в недрах человеческого сердца и, пребывая там, никогда без действия не остается, а при том блаженство совершенное едва ль и быть может. Примолвлю я так, как один славный философ** сказал, что Астриин век давно уже, кроме басен, нигде не обитает, да сумнительно, и был ли он когда⁴.

Наконец, упомяну я о том, что как науки сами собою полезны, так зараженные злобою люди при всем учении своем по большей части бывают вредны. Г. Руссо в окончании своего рассуждения говорит, что естли б Философы сыскали убежище в чертогах владетелей и, будучи удостоены первенства у престолов, пеклись о блаженстве человеческого рода; то тогда б увидели мы, что в состоянии сделать наука, власть и добродетель⁵. Но сие, конечно, разуметь должно с надлежащим ограничением, и особливо не распространять до тех, которые никогда не без дерзости сие почтенное имя на себя принимают и без всякой умеренности спорят о превосходстве своей мудрости, каковым, естли бы толь ближний доступ был к Государям; то науки были бы всеконечной гибелью человеческого рода. В таком случае, может быть, вместо всенародно объявляемых мнимых причин возгоревшейся войны нашлось бы иногда прямою, но тайною причиною несогласие между последователями разномыслящих, но равно упрямяствующих Философов, причем за некоторое тонкое и неудобь понятное умствование тысячи народа погибли б, и наука вместо пользы учинилась бы мечем пагубы человеческому роду.

* Примечания достойно, что человек, имеющий из детства многие наставления в добродетели, хотя и вдается порокам, но, однако ж, не столь стремительно. Посеянное в нем семя добродетели оставляет всегда в его совести некоторое признание своих погрешностей.

** Господин д'Аламберт в письме своем к г. Руссо.

Прости мне, читатель, что я речь мою так много продолжил. Намерение мое состояло только в том, чтоб изъяснить, что не для уничтожения к наукам перевел я сие рассуждение; и так прими благосклонно перевод мой, ежели он того сам собою достоин.

